

По воскресеньям в сквере напротив бани и на Красной площади играл немецкий духовой оркестр. Там же репродуктор сообщал о победах гитлеровской армии. Функционировали краеведческий музей, областная библиотека, архив, начальные школы (слобода Ямская, Казацкая), курсы по изучению немецкого языка, стенографии, кройки и шитья, ремесленное училище.

Но все эти потуги оживить культурную жизнь Курска были напрасны — гнетущая атмосфера оставалась, народ боялся выйти на опустевшую улицу, так как на каждом углу их могли оскорбить, а то и уничтожить. Город словно затаился и вымер.

Живые штрихи к картине жизни в оккупации вносят рассказы очевидцев и прямых участников событий ужасной поры.

Вспоминает бывшая преподавательница медучилища 96-летняя Оксана Васильевна Терновская:

«Каждый как мог, искал пропитания, в печках горела мебель. Никто не знал, что его ждет завтра.

Кто не имел возможности что-либо продать или обменять на провизию, фактически обрекался на смерть от истощения и болезней.

Вот некоторые из них: Мария Вильгельмовна Шуровская (родственница известного композитора и дирижёра), Константин Карлович Клодт (из семьи знаменитых русских художников), Александра Ивановна Ворошилина (последняя представительница известного в Курске купеческого рода).

Мне, чтобы спасти маленького сыночка от истощения, приходилось вести на салазках вещи в ближайшие деревни и там менять их на продукты. Однажды, приобретя таким образом картошку, на подступах к городу, обессиленная, забрела в отдельно стоящее здание, чтобы погреться и передохнуть. Но там оказались оккупанты. Мне уже всё было безразлично. Присев на стул, тут же уснула. Но не знаю сколько проспала. Пробудившись, увидев, где нахожусь, оторопела. Но немец (видимо, начальник над остальными), накормил и приказал доставить меня и санки домой на машине. Но это единственный случай, чаще всего страх, недоброжелательность, угрозы преследовали беззащитных.

Однажды, доведённая голодом до отчаяния, я осмелилась придти в комендатуру просить устроить хотя бы судомойкой. Один из местных прихвостней оккупантов, добившийся чиновничьей должности, сказал: «Как вы можете обращаться с подобным желанием, когда ваш

муж коммунист?» Я робко возразила, что он в компартии не состоял. Неизвестно, чем бы кончился разговор, если бы обстановка не разрядил пришедший в этот момент Андриевский. Он отвлек внимание коллаборациониста, заведя речь об организации музыкального училища. Не помня себя от испуга, я быстро ретировалась. Придя домой, видя опухшего от голода отца, вынуждена была принять некоторые решения. Но обо всём по порядку.

Мой папа — преподаватель французского языка и виолончелист — любитель. Он очень берёт инструмент, для которого по своим чертежам изготовил футляр. До войны к нему часто обращался музыковед — просветитель Глеб Леонидович Воычевцев с просьбой продать раритет. Но папа ни за что не хотел расставаться с родной сердцу виолончелью, объясняя Воычевцеву, что тот должен понять душу музыканта, приросшую к своей «подруге».

И, тем не менее, на смертном одре, видя страдание дочерей и внука, на мой вопрос, можно ли продать любимицу, ответил: «Конечно». С тяжёлым чувством иду я в скупку. Там оказался какой-то немец, который, увидев виолончель, ухватился за неё и уже не выпускал из рук. Левою держал драгоценность, а правой расплачивался. Тотчас пойдя на базар, я за вырученные деньги купила два стакана крупы и полстакана соли. Такова жестокая, правда, жизни.»

Интересную историю рассказал мне знакомый Анатолий Михайлович Грузнов, доцент Технического университета.

«Первое время нас враги не посещали, мы только слышали, что заходили к соседям, одним, к другим. Однажды настала и наша очередь. Пришли два немца, внимательно оглядев комнату, остановили взгляд на старинном фортепиано, нашей самой дорогой реликвии. Один из них подошёл к инструменту, раскрыл его, стал играть. Что за музыка, точно сказать не могу, мне было тогда всего семь лет, по видимому, очень трогательная, потому что спутник, спрятав лицо в ладонях, плакал. Через два часа, кончив играть, офицер обратил внимание на название фирмы — «Ирмлер». «Видите, — сказал он, — это немецкая фирма, мы заберём у вас пианино, а в замен привезём русский рояль».

Когда они ушли, мама с бабушкой долго судили да рядили, как избежать невосполнимой потери, они не верили, что получают рояль, да и не к чему он был в тесной комнатенки. Соседи советовали испортить инструмент, перерезать струны, а решительная бабушка готова